

— Нет, я останусь здесь. Лечи. — Жун Цзюэ сел за стол и взял книгу.

Прошло два часа, прежде чем раны были полностью очищены. Лю Мянчжи взял лучшую мазь и начал наносить ее на повреждения. Жун Цзюэ взглянул на кровать и увидел, что выжженный им иероглиф был скрыт под новыми ранами. От злости у него защемило в груди, и он поднялся, чтобы выйти.

— Ты встанешь, только когда он очнется. — Жун Цзюэ вышел из кабинета Шаньинь и сказал это Лин Чэ, который все еще стоял на коленях.

— Ваше Величество, я виноват. Этот человек странный, я боялся, что он мог наложить на вас какую-то порчу, чтобы вы заболели. Поэтому я... — Лин Чэ не ожидал, что его, командующего гвардией, накажут за избиение человека, не имеющего никакого статуса.

— У тебя вообще есть мозги? — Жун Цзюэ отругал его. Его слова были такими же, как у Фан Ляочжи.

— Ваше Величество, вы только что поправились, не гневайтесь. Я глуп. Я заслуживаю наказания! — Лин Чэ, боясь, что Жун Цзюэ снова разозлится, изо всех сил ударил себя несколько раз по лицу.

Жун Цзюэ увидел, что на его лице сразу же появились следы, и понял, что Лин Чэ ударил себя с силой.

— Хватит, прекрати. Если ты еще раз ослушаешься, ты не останешься на службе при мне.

Лин Чэ перестал бить себя и опустился на колени. Слова императора звучали как серьезное предупреждение.

Лин Чэ боялся, что Жун Цзюэ перенес свои чувства к тому человеку на Фан Ляочжи. Он хотел предостеречь императора, но сейчас это было невозможно. Он вспомнил, как тот человек вел себя в резиденции седьмого принца. Жун Цзюэ баловал его, и, хотя у него не было никакого положения, он был почти хозяином в резиденции. Жаль, что весь дворец принца относился к нему тогда так хорошо. Вспомнив Ци Нин, Лин Чэ снова почувствовал ненависть и сжал кулаки.

Цзю-эр был в недоумении. Император провел в кабинете Шаньинь два дня, якобы читая и переписывая книги, но явно ожидая, когда нищий очнется. Врач Лю также не отходил от него, сам менял повязки и пытался снизить температуру. Врач Лю, который обычно лечил только императора, впервые занимался таким делом.

Лин Чэ провел на коленях два дня, его ноги постепенно теряли чувствительность, и он уже не мог держаться прямо. Император все еще не собирался прощать его. Когда он уже почти не мог стоять, Цзю-эр наконец подошел и помог ему подняться.

— Господин, император приказал мне помочь вам встать.

Лин Чэ был в полубессознательном состоянии.

— Он очнулся?

— Еще нет. Но врач Лю говорит, что он выживет, и это вопрос времени.

Лин Чэ вздохнул с облегчением, но его ноги полностью онемели, и он оперся на Цзю-эра. Цзю-эр был худощавым и быстро устал. Он позвал еще двух евнухов, чтобы поддержать Лин Чэ.

— Господин, возвращайтесь в свою комнату и отдохните. Вы так долго стояли на коленях и ничего не ели.

Два евнуха увели Лин Чэ. Цзю-эр, глядя на его спину, подумал:

— Кто же этот человек, из-за которого господин Лин Чэ получил такое наказание? Что в нем особенного?

Врач Лю наложил повязку в двенадцатый раз, и Фан Ляочжи наконец открыл глаза. Его первыми словами были:

— Я голоден.

Три дня он не ел ничего, кроме полмиски рисового отвара, так что голод был невыносимым.

Жун Цзюэ, услышав его голос, отложил книгу и подошел.

— Ваше Величество, — врач Лю поклонился.

— Что он может есть? — спросил Жун Цзюэ.

— Легкую пищу. Я сейчас составлю список и прикажу приготовить. — Лю Мянчжи вышел.

— Цзю-эр, выведи всех. — Жун Цзюэ отдал приказ, и Цзю-эр с евнухами вышел, оставив их вдвоем в кабинете Шаньинь.

— Ваше Величество, вы очнулись. Как вы себя чувствуете? — Фан Ляочжи смотрел на Жун Цзюэ, и в его глазах была искренняя забота.

— Кто такой Жун-эр, о котором ты говорил? — император не ответил на вопрос, а пристально смотрел на его губы, ожидая ответа.

— Я не знаю. — Фан Ляочжи снова сказал эти слова. — Я вернулся с того света, и не помню, что говорю во сне, особенно в бессознательном состоянии.

Жун Цзюэ усмехнулся, и на его губах появилась зловещая улыбка.

— Хорошо. Мы с тобой еще потянем время.

После пяти-шести дней лечения и благодаря мастерству врача Лю Фан Ляочжи наконец перестал быть похожим на мертвеца. Хотя его тело было покрыто ранами, и любое движение причиняло боль, он мог уже вставать и двигать руками и ногами.

После наказания Лин Чэ все слуги в загородном дворце поняли, что человек в кабинете Шаньинь — не обычный. Еда стала более изысканной, а одежда — не грубой. В дворцовой среде умение читать настроение и угождать сильным было основным навыком выживания.

Лин Чэ также восстановился через несколько дней. Он все это время думал, как предостеречь императора, но так и не нашел подходящего способа. После строгого наказания он стал более осторожным в словах.

Фан Ляочжи, запертый в кабинете Шаньинь, начал изучать книги. В этот день Жун Цзюэ зашел и увидел, как тот сидит на корточках, читая «Искусство войны» Сунь-цзы.

— Книги из моего кабинета никто не берет без моего разрешения, а ты не стесняешься. — Жун Цзюэ увидел стопку книг за спиной Фан Ляочжи, видимо, он читал уже несколько дней.

Фан Ляочжи встал на колени.

— Ваше Величество, вы пришли без предупреждения, иначе я бы убрал их.

Жун Цзюэ был озадачен.

— Ты действительно думаешь, что я не убью тебя?

— Ваше Величество, вы еще не узнали то, что хотите, поэтому, вероятно, не убьете меня.

Он был слишком уверен в себе. Это было невыносимо.

— Ты боишься змей? — Жун Цзюэ вдруг улыбнулся.

Тот человек боялся змей. Когда-то в резиденции седьмого принца маленькая зеленая змея напугала его настолько, что он залез на дерево во дворе и не хотел спускаться.

Фан Ляочжи слегка изменился в лице, но сказал:

— Я не помню. Может, боюсь, а может, нет.

— Хорошо, тогда проверим.

В кабинет Шаньинь принесли корзину с змеями разных размеров. Увидев их, Фан Ляочжи, несмотря на свою браваду, побледнел.

Жун Цзюэ, увидев его реакцию, был доволен.

— Выпустите их.

— Ваше Величество, уходите, змеи не знают, кто вы. — Фан Ляочжи, увидев, как змеи выползают из корзины, начал дрожать и отступать, но все же умолял Жун Цзюэ уйти.

— Верно, змеи не знают императора, но знают это. — Жун Цзюэ указал на ароматический мешочек на своем поясе.

Фан Ляочжи понял, что Жун Цзюэ подготовился. Увидев, как десяток змей ползет к нему, он покрылся потом, споткнулся и забрался на стол.

— Что случилось? Ты же сказал, что не помнишь? — Жун Цзюэ с улыбкой наблюдал за ним.

— Ваше Величество, любой нормальный человек испугался бы, увидев столько змей. — Фан Ляочжи, сидя на столе, смотрел, как две маленькие змеи крутятся у края стола. Он начал потеть, его тело дрожало. Змея, извиваясь, пыталась забраться на стол, и Фан Ляочжи побледнел, его ноги подкосились, и он упал со стола.

Несколько зеленых змей оказалось рядом с ним, и он попытался отползти в угол.

Жун Цзюэ, наблюдая за этой сценой, сначала усмехнулся, но затем его лицо резко изменилось, и он пристально смотрел на Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи, окруженный змеями, не мог отступить дальше. Он закрыл глаза и сжался в углу. Ближайшая змея уже подползла к его ноге, ее красный язык касался его тела.

— Ты все еще не будешь просить пощады? — В голосе Жун Цзюэ прозвучала тревога, чего он сам не ожидал. Он думал, что спокойно посмотрит на эту сцену, но воспоминания о том человеке пронзили его сердце.

— Ваше Величество, если я попрошу пощады, вы отпустите меня? — Две змеи уже ползли по его телу, Фан Ляочжи закрыл глаза и сжался.

— Кто ты? Зачем пришел? Зачем подвергаешь себя мучениям? Какие у тебя цели? — Жун Цзюэ задал несколько вопросов подряд.

— Моя жизнь спасена вами, Ваше Величество. Возьмите ее. — Фан Ляочжи ответил, и в этот момент зеленая змея укусила его за бедро. Кровь выступила, его тело затряслось сильнее, и речь стала невнятной.

— Я уже сказал, что отпущу тебя, но ты сам настаивал остаться. Какая связь у тебя с Ци Нин?
— Жун Цзюэ наконец произнес имя того человека, и ему показалось, что он выплеснул боль, которую сдерживал более ста дней.

Несколько змей ползали по его телу, готовые укусить в любой момент. Фан Ляочжи, казалось, решил на что-то и, несмотря на дрожь в конечностях, оставался неподвижным.

— Ваше Величество, я остался, потому что, если меня отпустят, мне придется просить милостыню, и я умру. С вами у меня хоть есть еда.

— Ты врешь. — Жун Цзюэ приблизился к Фан Ляочжи, и змеи, почувствовав запах ароматического мешочка, начали отползать.

— Ваше Величество, когда вы впервые увидели меня, я гнал за булочкой. Разве можно подделывать такой голод? — Фан Ляочжи, услышав, что голос Жун Цзюэ стал ближе, открыл глаза.

<http://bllate.org/book/16817/1564618>